

- 145—146; *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, 30—31.
- ²⁵ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, 259.
- ²⁶ *Добродомов И. Г.* Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках. — Советская тюркология, 1979, № 5, 15—16.
- ²⁷ Если не учитывать типичный украинизм *бандура*, отмечаемый, например, толковыми словарями туркменского, казахского и татарского языка, причем в толковом словаре татарского языка почему-то этот инструмент ошибочно именуется не только украинским, но и польским (?). В «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина (М., 1965, 107) приводится встречающееся в эпосе название колокола китайской кумирни *бандулу*, едва ли имеющее сюда какое-либо отношение.
- ²⁸ Документы на половецком языке XVI в. М., 1957, 384.
- ²⁹ Ср.: *Думка Л.* Звідки пішла назва *бандура*. — Жовтень. Львів, 1965, № 1, 108. Высказываемое здесь предположение, что славяне знали бандуру «уже в ранню добу своєї історії», принято быть не может. С точки зрения языка-источника, важно обратить внимание на заимствование этого слова от турков в период их теснейшего симбиоза с аланами.
- ³⁰ См. подробнее: *Добродомов И. Г.* Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка. — Советская тюркология, 1980, № 2, 21—29.
- ³¹ На материале немецкого языка это показано в книге: *Опельбаум Е. В.* Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971, с. 40—41.
- ³² На основании наличия в Румынско-русском словаре (М., 1953, 80) лексемы *bandurâr* ‘бандурист’, можно предполагать и для румынского языка соответствующее название музыкального инструмента, хотя в указанном словаре оно и не приводится.
- ³³ Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1861, с. 68.

В. Н. ТОПОРОВ

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ. III (1—3)

1—2. Балто-балкан. **kēt-*, **gaur-*

Относящиеся сюда слова не ограничиваются балтийским и балканским ареалами, хотя именно эти два ареала заслуживают особого внимания в связи с анализом обозначенных лексем. Дело не только в том, что балтийские (как и славянские) и балканские языки сохранили наибольшее количество соответствующих примеров (причем как раз из числа самых показательных), но и в том, что оба эти ареала обозначают пределы некоей зоны, соединяющей в меридиональном направлении Балтику с Средиземноморьем и характеризующейся, как было показано в ряде предшествующих работ, определенными этнолингвистическими и культурно-историческими связями уже с достаточно древней эпохи (ср., напр., исследования М. Гимбутас). Есть и еще одно основание вернуться к проблематике древних балто-балканских связей: анализ указанных лексем, относящихся, в частности, к обозначению ландшафта, позволяет заполнить языковыми фактами и промежуточное между юго-восточной Прибалтикой и Балканами пространство. При этом особо рельефно

выступает роль Карпат и смежных с ними областей, места, являвшегося в определенный и достаточно длительный период главным узлом, в котором сходились пучки балто-балканских изоглоссе. Более того, можно предполагать, что именно в Карпатах продолжения **kēt*- и **gaur*- фиксируют с наибольшей четкостью свою «ландшафтную» отнесенность. Тот факт, что Карпаты с их специфическими природными условиями образуют зону с высокой степенью эндемических языковых элементов, не противоречит целесообразности поиска соответствий некоторым бесспорным карпатизмам как к югу от Карпат, так и к северу от них.

В этой связи уместно вернуться к одному из наиболее известных и диагностически важных карпатских оронимов — рус. *Бескиды*, укр. *Бескиди*, *Бещади*, польск. *Bieskidy*, *Bieszczady*, венг. *Beszkyéd* и т. п. В соответствии с последней и наиболее перспективной этимологией¹, это название восходит к иллирийскому сложному слову, обозначающему б у к о в ы й л е с, — **biz-kēt*- (*kit*-), ср. *Буковина*². Название леса, содержащее тот же корень, представлено в связи с г о р о й — τὸ Κέτιον ὄρος (Ptol. II, 14, 1; 15, 1), соотносимое с Венским лесом (на границе с Верхней Паннонией около Карнунтума), или *Citius mons* (Liv. 43, 24) в Эпире. Правдоподобна связь этих названий с такими, как *Citium*, местечко в Македонии, к югу от Эдессы (Liv. 42, 51), Κίτιον (лат. *Citium*), город на южном берегу Кипра³, возможно *Citua* (Ray. IV, 19, var. — *Situa*), местечко в Далмации и Паннонии (значение 'лес' в этом названии могло быть актуальным, о чем, возможно, свидетельствуют соседние названия с корнем **deriv*- 'дереву' ('деревья' → 'лес'); собственно, *Citua* находится между *Derva* и *An-derva*⁴; -ца в *Citua* могло бы объясняться в связи с -ва в топонимах с корнем **deriv*-), и некоторые другие.

Разумеется, многое в связи с корнем **kēt*- остается не вполне ясным. В частности, ни соответствия иллир. **kēt*- (*kit*-) в других индоевропейских языках, ни тем более этимология этого элемента неизвестны. Более того, даже само значение 'лес' — при всем его правдоподобии — определяется лишь наощупь, сугубо условно. В наиболее надежных источниках элемент **kēt*- сочетается с обозначениями горы (ὄρος, *mons*). Поэтому целесообразно попытаться выяснить семантическую мотивировку значения **kēt*- и, следовательно, связать этот корень с надежным кругом апеллятивной лексики. Однако до этого стоит обратить внимание на этимологически темную группу местных и водных названий, также, видимо, восходящих к корню **kēt*- и зафиксированных к северу от Карпат, в частности, в балтийском ареале. Прежде всего ср. прусские названия типа *Kethen*, 1387, *Keythene*, 1392, *Kyten*; *Kethein*, 1468, позже — *Köthen*⁵ и, возможно, такие Nom. pr. как (*Mertin*) *Kettenyn*; *Ketaue*, 1364; *Kethow*, 1396⁶. На основании этих примеров восстанавливаются сочетания корня **kēt*- с суффиксами, в состав которых входят элементы -v- и -n-: **kēt-en*- (-*ein*-, -*in*-) и **kēt-av*-. Не исключено, что прусским фактам соответствуют восточно-балтийские топонимические и гидронимические примеры, остающиеся в изоляции и поэтому обычно не объясняемые. Ср. лит. *Ketāviškės*; *Ketūnai*⁷; *Ketūnka*⁸; лтш. *Ķetas*, *Ķetes*, *Ķetiški*(?)⁹

и др.; верхнеднепр. *Четовка*, *Четово* и т. д.¹⁰; следует заметить, что в наиболее достоверных случаях первичным является водное название (а местное — вторичным), на что намекал уже К. Буга. Если балтийские факты восходят к тому же корню **kēt-*, о котором говорилось в связи с карпатскими, балканскими (и даже восточносредиземноморскими)¹¹ параллелями, то существенной представляется совершенно н о в а я сфера применения этого корня — гидронимия. Но уже раньше не раз демонстрировалось различие в отнесенности к частям ландшафта общих языковых элементов на Балканах и в Прибалтике, что, конечно, в значительной степени определялось резкими различиями в типе ландшафта. Впрочем эти различия, несколько усложняющие на первых порах установление семантического инварианта для столь разбросанных в «смысловом пространстве» конкретных примеров, на более поздней стадии исследования оказывают неоценимую помощь, позволяя идти вглубь (не останавливаясь на верных в принципе, но предварительных решениях) и ориентируя на наиболее строгое определение исходного значения — вне случайных и производных смыслов.

Помня о специфике этой ситуации, кажется соблазнительным связать указанные выше топонимические и гидронимические факты с апеллятивным корнем **kēt-*, лучше всего отраженным в балтийском и — с известными ограничениями — в славянском. Прежде всего речь идет о двух литовских лексемах, которые при этимологическом описании оказываются разбединенными (см. Fraenkel 246—247), а именно о: 1) лит. *keterà* (*kētaras/keteria, keteris*), но и *sketerà, sketarà, skētaras* и др., ср. *sketēlis*; сосуществование двух вариантов анлаута (*k-*, *sk-*) постоянно отмечается в этой группе слов), которое обозначает не только 'загривок; щетину на хребте; хребет (у лошади); грудь (у лошади)'¹², но и 'верхушку; вершин у; гребень; конек (навершие); удлиненную возвышенность на пашне («nutišes pakilimas dirvoje»); гребень борозды' («vagos viršus») и, более того, нередко употребляется, когда речь идет об обозначении возвышенных частей ландшафта (ср. *kalno ketera* 'горный гребень', *kalnų ketera* 'горный хребет; кряж; горная гряда', ср. *Kétiou όρος, Citium mons* и другие убедительные примеры¹³), и о 2) лит. *kēsti* (*kēčiu, kēčiau*; < **kēt-*, ср. *kētōti* и т. п., с чем связано и слово, обозначающее 'зонт' — *kēiis* (: *skētis* то же), также 'амплитуда; размах; охват'¹⁴) 'раздвигать; расширять; растопыривать; топырить; таращить; развешивать; раскрывать' и т. д. (см. LKŽ V, 644 и след. и *skēsti* — LKŽ XII, 845—847)¹⁵.

Учитывая семантику этих двух групп слов (верхушка, выступ, гряда как нечто выдающееся, торчащее, топырящееся, оцетинивающееся, взятое в размах, в расширении, в развороте и т. п.) и сосуществование двух вариантов корня **kēt-*: **skēt-*, приходится сделать заключение о несомненности связи этих балтийских примеров со слав. **čēt-*: **ščēt-* (из **sket-*), которые реализуют такие значения, как 'щетина; щетка; хвоя; кисти; грозди' и т. п. (ср. рус. диал. *щеть* 'часток; тын из кольев, жердей стойком' (Даль) — при *щетить*). И балтийские и славянские примеры взаимно высвечивают и прояв-

ляют общие смыслы. Ср. лит. *sparnuotì pusnykai nusukę paaudriui plienines keteras* (L.KŽ V, 648) при рус. *стальной щетиной сверкал*. . . у Пушкина (*ket-era: *sket-ina > щетина*)¹⁶ или определение элемента *щет-* в словаре Даля — «что топорщится, пырится как щетина» (IV, 1505) — при том, что «пырится; топорщится» могут пониматься как значения лит. *kėsti* и, следовательно, давать основание межъязыковой figura etymologica: *kēt-* [*kėsti*] & [*s*]kēt- [*щетина*], т. е. «щетиниться щетиной». Эти же примеры открывают подход к семантической мотивировке иллир. **kēt-*, которое — в свете сказанного — должно пониматься, как то, что щетинится, топорщится образует выступы, гряду вершин и т. п. С этим определением, кажется, согласуются и лес (например, хвойный, с его островерхими, щетинообразными верхушками, образующими своего рода зазубрины, ср. с.-хорв. *četina* (**ket-ina*) 'еловая, сосновая хвоя, иголка', но и 'щетина', чеш. *četina* 'хвоя; иголка', диал. *četyna* то же, словац. *četina*, *čecina* 'хвоя', польск. диал. *czaszina* 'хвоя; иголки хвойных деревьев'; болг. *четина* 'можжевелик', но и 'щетина', макед. *четина* 'щетина'; в.-луж. *čec* 'гроздь; связка (напр., орехов); кисть' и т. п.¹⁷; ср. также продолжения **ščet-* ('щетина; щетка; чесалка; кисть; ограда' и т. п.), в том числе довольно многочисленные примеры обозначения словами этого корня растений щетинообразного вида), и гора, точнее — гряда горных пиков, островерхих возвышений, серия выступов. Иначе говоря, корень **kēt-*, видимо, связывается с комплексом горы, поросшей лесом, причем и в конкретных условиях в этом комплексе мог актуализироваться то первый (гора), то второй (лес) член, что хорошо известно и по другим примерам, в частности, из карпатского и балканского ареалов. Эта семантическая двойственность представлена и в основной лексеме для обозначения горы — слав. **gora* 'mons' — при болг. *горà* 'лес', лит. *girià* 'лес', прус. *garlan* 'дерево' (ср. болг. *горун* 'вид дуба', с.-хорв. *горун*, рум. *goron*, *gorun*, заимствование из славянского, и т. д.). Такой семантической мотивировке элемента **kēt-* в связи с обозначением поросшей лесом горы вполне соответствуют и мифопоэтические образы Карпатских гор и лесов, как они зафиксированы в народной словесности и в отдельных произведениях художественной литературы¹⁸.

В случае, если объяснение иллир. **kēt-*¹⁹, приуроченного к Карпатам (ср. *Бескиды* и др.), верно, перед нами еще один типично карпатский архаичный ландшафтный термин, отраженный по обе стороны от Карпат — к югу и к северу. Интересно, что, оказываясь к северу, на равнинной, как правило, местности, такие термины подвергаются (по сравнению с карпатско-балканскими соответствиями²⁰) некоторой перестройке с тем, чтобы сохранить связь с обозначаемой ими реальностью²¹. В только что разобранном случае существенно, что в балтийском ареале элемент **kēt-*, чтобы соответствовать карп.-балк. **kēt-*, нуждается в дополнительном определении «по высоте», ср. *k a l n o ketera*, т. е. гребень г о р ы. Таких сдвигов немало и среди других терминов, описывающих ландшафт. Если же нет указаний на «вертикальную» ориентацию ландшафтного объекта, обозначаемого элементом **kēt-*, то этот элемент на равнин-

ной местности мог, видимо, обозначать нечто, являющееся г о р и з о н т а л ь н о й проекцией общей идеи, т. е. раздвинутое, расширенное, распространенное, растянутое вширь (это объясняло бы применение элемента *kēt- к обозначению озер, в частности, с обилием заливов, вдающихся в сушу)²² или, наоборот, разнонаправленное, резко меняющее течение на относительно ограниченном участке пути (эта горизонтальная «щетинистость» (принцип «гармошки») могла дать основание для отнесения элемента *kēt- к соответствующему типу рек)²³. Учет всей совокупности объектов, обозначаемых корнем *kēt-, дает возможность сформулировать и н в а р и а н т н о е значение этого корня — некое расширение, захват, размах, выступ—выход за пределы. В некоторых вариантах при введении идеи быстрого (внезапного) энергичного движения возникают семантические мотивы агрессивности, угрозы, опасности, направленной изнутри вовне и т. п. ('щетиниться', 'ощетиниться'), которые, кажется, дают возможность объяснить еще одно применение корня *kēt-.

Речь идет о др.-греч. κῆτος (-εος); слове среднего рода, этимология которого остается неизвестной (ср. Frisk 1, 846 — «Unerklärt. Verfehlte idg. Etymologien sind bei Bq. und bei WP 1, 348»; Ghantraine 2, 528 — «Et.: Inconnue»). Этим словом обозначалось огромное морское животное (уже у Гомера и поэтов), в частности, чудовище, угрожавшее Андромеде и убитое Персеем или Гераклом (Еврипид, Аристофан); у Аристора κῆτος обозначает 'кит', 'китообразное' (позже этим словом обозначалось соответствующее созвездие)²⁴. Первоначальная связь κῆτος с обозначением морского чудовища не вызывает сомнения (в частности, она вытекает из анализа сложных слов с элементом κητ-, ср. κητο-φόνος 'убивающий морских чудищ', κητο-δορπος 'кормящий морских чудищ', μεγα-κῆτες 'полный морских чудищ' (как эпитет к πόντος 'море', ср. Od. 3, 158, или δελφίς 'дельфин', ср. П. 24, 22, или к кораблю с глубокими кормами, ср. П. 8, 222; 11, 5; 11, 600), βαθυ-κῆτης 'содержащий чудищ в глубине' (о море, Thgn.), πολυ-κῆτης 'с многочисленными морскими чудищами' (Theoc. 17, 98/ и др.)²⁵. Очень правдоподобно, что морское чудище могло обозначаться именно как щетинистое (*kēt-); во всяком случае известные изображения чудовищ древнегреческой мифологии постоянно подчеркивают мотив агрессивного испускания из тела в направлении жертвы голов, рогов, шипов, конечностей и т. п.²⁶ Кит, как поразившее воображение «чудо-юдо», некая «сверх-рыба», был обозначен (и параллели к этому известны во многих традициях) словом, относившимся к мифологическому морскому чудищу («щетинистому»). Во всяком случае в народной традиции кит нередко описывается как морское чудовище, снабженное шипами, колючками и т. п.²⁷, что, между прочим объясняет попытки приспособления к обозначению кита слов, используемых в связи с рыбами соответствующего вида. Достаточно ограничиться одним примером: нем. *Walfisch* 'кит' в лютеровском переводе Библии в соответствии с *cete* в Вульгате) Бреткунас передает в своем литовском переводе пруссизмом *ešketras*, ср. прус. *esketres* (видимо, *esketras*), обозначающее о с е т р а ('Stoer', Э 567). Недавно было показано, что Бреткунас, за неимением в тог-

дашем литовском слова для обозначения кита, сознательно отклонился от оригинала, избрав в качестве замены название большой знакомой рыбы — осетра²⁸; следует напомнить, что и позже у некоторых литовских лексикографов в XVIII—XIX вв. слово *erškėtris* применяется в связи с *Balaena* (при обычном *banginis* 'кит'). Нужно полагать, что выбор названия осетра в качестве обозначения кита объясняется не только (и, может быть, не столько) величиной осетра, но и присущей всем осетровым «щетиристостью». Именно такое впечатление производят свойственные им пять рядов жучек и зернистые косточки и пластинки (то же можно сказать и о внешнем виде ерша²⁹). В этих условиях название осетра, отличающееся этимологической прозрачностью (ср. лит. *erškėtas* 'осетр' при *erškėtis* 'шиповник', от 'шип'), естественно могло быть перенесено на кита. Сходная ситуация могла иметь место и в древнегреческом языке, когда элемент **kēt-* был применен к обозначению морского чудовища, а потом и кита. Впрочем, и балтийские названия осетра и шиповника дают возможность поставить новый вопрос, который возвращает нас к тому же корню: не присутствует ли в этих названиях, известных в большом количестве фонетических вариантов и предполагающих, согласно мнению ряда ученых (см. Fraenkel, 123), разного рода контаминации, смешения и взаимовлияния, тот же элемент **kēt-* (**skēt-*), что и в др.-греч. слове, обозначающем кита («щетиристого»? Сравнение названных литовских слов с их соответствиями в других индоевропейских языках делает особенно вероятным наличие в этих словах компонента **kēt-*, как раз и выделяющего их среди других параллелей³⁰.

Все эти рассуждения делают вероятным постулирование особого корня **kēt-*, не учтенного в словаре Покорного (качество согласного в анлауте зависит от возможных новых параллелей). Не исключено, что в этой перспективе получают разъяснения некоторые до сих пор темные слова в других индоевропейских языках³¹.

* * *

В ряде отношений сходная ситуация обнаруживается и при анализе элемента **gaur-*, ареал которого охватывает прежде всего карпатскую зону, а также часть Балкан. Наиболее полно соответствующие факты представлены в восточнороманских языках. Ср. дакорум. *găură* 'отверстие; дыра; щель; скважина; лощина; ущелье; долина, ограниченная высокими и круглыми горами' и т. п. (ср. *găureăn* 'жители горной долины'); adj. *găuros*, *găuriciós*, *găurit* 'полый; дырявый; пробуравленный' и т. п.; vb. *găuri* 'сверлить; буравить', *îngăuri*, *zgăura* (о глазах), *zgăuri*, *zgăori*, *zgiuri* и т. п.; арумун. *gávra* то же (ср. в топонимии *Gávra Ursului*; в связи с возникающим здесь «медвежьим» (*urs*) мотивом стоит обратить внимание на народное название клещку медведя — *Gavrîlă*); мегл.-рум. *găură* то же, также 'пещера'; укр. *gávra* 'берлога', *gávura*, *gávora* считаются заимствованиями из румынского. Другой очаг форм с элементом *gaur-* находится в албанском ареале; ср. *gávër* 'дыра; отверстие; полость; скважина', *gávërë*, *sgávure*, *zgávure* то же, но и 'пещера; пустота; выемка', *zgáur*, adj.

gavrrüem, gavrrüer, zgávert; vb. *zgavrói* и т. п. Сюда же могут быть присоединены восточнороманские формы, в которых выступает *n* (в чередовании с *r*): дако-рум. *gáun, gáüne* 'впадина, полость', *gáuna* 'дыра в земле'; adj. *gáunós* 'полный дыр', vb. *a gáuni*; аромун. *gávinós, givinós* и др. Наконец, известны формы без *-r-* или *-n-*: дако-рум. *zgäu* 'дыра; uterus; anus; пустое место в горах; глубокая долина' и т. д.; аромун. *güvä, güvică* 'дыра; пещера; могила'; мегл.-рум. *güvä* 'дыра'; алб. *güvë, güvër* 'дыра, пещера'; adj. *güvüer, govósh, gwósh* и т. д.³² Ландшафтная приуроченность элемента *gaur-* очевидна не только из круга значений, но и из широкого употребления в Карпатах и Прикарпатье соответствующих топонимов, собранных М.-М. Рэдулеску: *Gáura Singerului* (Mureş), *Gáureána* (Botoşani, Iaşi), *Gáurëni* (Alba, Bistriţa-Năsăud, Hunedoara, Iaşi, Suceava), *Gáuri* (Vrancea), *Gáuriciu* (Teleorman), *Gaura Fétei, Gáurile* (Gorj), *Gávuri* (Hunedoara), *Gáuricea* (Haşeg), *Gáuriciul* (Bacău), *Gáureánca* (Dorohoi), *Gáureána* (Bacău), *Gáureánul* (Tg. Ocna), *Gáurëni* (Vlaşca), *Deálul-, Piriul-, Şesul-, Válea Gaurënei* (Negreşti), *Gáura* (Bucegi), *Gáura Lúpului* (Alba, Drăganu, Români) в Румынии; ср. в северо-восточных Карпатах *Gavra, Gaurov*; в Моравии *Gaurura, Gaurowy, Gahura*, в Польше: *Gawor* (стар.) и др. Элемент *gaur-* представлен и в топонимии южных Балкан и Средиземноморья; ср. др.-греч. *Γαυρίς*, о-в к сев. от Памфилии, *Γαυρεϊον*, порт на о-ве Андрос (ср. *Γαυρεός*, название северного ветра: *Γαυρεός καλεῖται ὁ βορρᾶς*. Arist.) и др., которым, однако, здесь не удастся уделить внимания (тем более, что остается неясным вопрос о возможной связи этих случаев с др.-греч. *γαῦρος* 'ликующий; веселый; резвый; гордый; надменный', ср. *γαυρόμα* и т. п.)³³.

Представление о происхождении восточнороманских слов из латинских источников (*caulae* или **cavula*, от *cavus*), популярные в прошлом, нужно признать окончательно устаревшими и неспособными объяснить всю широкую и разнообразную совокупность лексем с корнем *gaur-*, выходящую далеко за пределы восточнороманских диалектов Прикарпатья и Балкан. Более верный путь был избран М.-М. Рэдулеску, который полагает, что дакийский (> румынские формы) и албанский сохранили в данном случае (как иранские языки, ср. пехл., н.-перс. *gōr, gur* 'могила', парачи *gūr*, сангл., ишканим. *γār, γor* 'пещера', вазири *γōr* 'отверстие', *γār* 'пещера' и т. п. — все из **gaur-*) основу **gau-r-* или **ghau-r-* (из и.-е. **ghou-r-*) и что она отражается в ряде балтийских примеров — лит. *gvėrjñė* 'отверстие; дыра', *gvėrti* 'распатываться; расхлябываться', а также *giáurė* 'холодная почва', лтш. *gaurš* 'рыхлый' (*gaurā zeme*)³⁴. Однако балтийские факты оказались отобразившими неполно и не самым представительным образом; славянские факты вообще не привлекли к себе внимания. В результате история древнего и.-е. корня не была восстановлена хотя бы в наиболее важных ее частях, что и сказалось на отсутствии надежной семантической мотивировки слов с элементом *gaur-* во всем меридиональном поясе от Балтики до Балкан. Поэтому необходимо более полно привести данные из балто-славянской области и некоторые другие примеры. Наиболее точные соответствия обнаруживаются в северноевропейских языках. Ср. лит. *gaūras, gaurai* 'космы; волосы; шерсть;

волокно; ресницы', *bried-gaurė*, *bried-gauris* 'твердая сухая трава, растущая на холмах' (ср. *gaurinė* 'волосы', «čiupra»), *gaūrė*, *gaūris*, *gaurys* 'торица полевая' (как и в ряде других ботанических названий: *gaurėnė*, *gaurūnėlis*, *gaurūnėlė*, *gaurūniniai*, *gaurūdė*, *gaurūdė*, *gaurūnė*, *gaurūča*, *gaurėnis*, *gaurutė* и др.); 'космач' (ср. также *gaurys* 'kas niekus kalba'), *gaura* 'мочалка; рогожа', *gaurynė* 'твердая земля', *gaurūčas* 'Иванов червячок; светлячок'; *gauriotas*, *gaurotas* 'косматый; мохнатый; шерстистый' (*gauruotinė* 'косматая шкура'); сюда же должны быть отнесены и глаголы — *gauroti* 'обрастать; зарастать' (в частности, волосами, ср. *gaurėtas*), *gaurėti*, *apgaurėti*, *nugaurėti*, *prigaurėti* и т. п., а также с более специализированными значениями, ср. *gaurioti* «tik paviršium, prastai, nelygiai piauti šieną ar javus»; *gaurioti*, *prigaurioti* 'nieku prikalbėti', *gaūryti* 'сильно дуть; выть', но и 'идти' (ср. *gauroti*, 2), *gaurioti* 'идти; ползти' и т. п. (см. LKŽ III, 169—172; ср. *giaurė*³⁵, *giaurys* 'Rallus acqaticus', III, 282). Из латышских примеров ср. *gauri* 'волосы на срамных частях', *gauris* (*gaūrs*) 'Spargula arvensis' (*gaūri* 'семена сорняка, растущего среди льна'), *gaūris* 'нырок', *gaura* 'крохаль' (и обозначение злого человека), *gaūris* 'скряга', *gaūris* 'лентяй'; *gauris* 'рыхлый', но и *gaura* 'болтовня', *gauritis* (?) 'свисток'; *gaurāt* 'гудеть; шипеть; бурчать', *gaūrēt* «sin-nlos wiederholt schreien», *gaūruōt* 'реветь' и др. (Mūlenbachs — Endzelīns 1, 611—612). Показательны примеры с нулевым вокализмом корня: лит. *gūras* 'холм; бугор; выступ; вершина горы' (с постоянной связью со словом *kalnas*, ср.: *kalno gūras*, *gurėlis*; *to kalno labai status gūras*. LKŽ III, 741), *gūras*, *gurūs* 'рыхлый; рассыпчатый; хрупкий' *gurinys* 'крошка', *gūrinti* 'крошить; бить, разбивать, разрыхлять', *gurėti* 'крошиться', но и *gūrinėti*, *gūrinti* 'идти согнувшись, сутулясь' (ср. *gūra* 'человек, который ходит с вытянутой шеей, держась, однако, непрямо'); лтш. *gūrāt*, о медленном, неуклюжем, ленивом движении, походке (в частности, в согнутом положении, сторбившись), *gūrināt*, *gūrnāt*, *gūruōt* (: лит. *gūrioti* 'идти поспешно, наклонившись вперед'), *gūrāt* и т. п. (Mūlenbachs — Endzelīns 1, 686), ср. также Fraenkel, 177—178. Сюда же следует отнести и довольно многочисленные местные названия на балтийских землях — лит. *Gaūrė*, *Gaurėliai*, *Gaurėliai*, *Gauraičiai*; *Gaurapievis*, *Gaurėnai*, *Gaūrės*, *Gaurinė*, *Gauriškė*, *Gauruōtė*, *Gauruōtės*, *Gaurūkas*, река³⁶; лтш. *Gaūra*, *Gaūras*, *Gauri*, *Gaūris*, *Gauraks*, *Gaurata*, *Gauratina*, *Gauratnieki*, *Gaūrene*, *Gaurine*, *Gauriņi*, *Gauriņš*, *Gaūruōta*, *Gaurode*, *Gaūra-grāvis*, *Gaūres-pļavas*, *Gauru-muiža*, *Gauru-pagasts*, *Gaūra-upe*, *Gauraka-kalns*, *Gaūratas-gals*, *Gaūrata-ezērs*, *Gaurat-ezērs*, *Gaūrēn-kalns* и др.³⁷; куршск. *Govrene*, 1253, *Gaurenen*, 1291³⁸).

В связи с приведенными балканскими и балтийскими словами славянские факты долгое время игнорировались или оставались на положении весьма дальнего и неясного фона. Отчасти это объясняется широким семантическим спектром славянских слов этого корня (впрочем, и балтийские примеры в этом отношении мало уступают славянским) и неясностью определяющих связей внутри всей совокупности примеров. Тем не менее и в славянских языках отчетливо выделяется некое ядро: с.-хорв. *gūpumi(ce)* 'сгибать(ся); корчить(ся); горбить(ся); съезживать(ся)' (ср. *gūpumi* 'толкать; пихать; совать;

втискивать'), *gǔrav* 'горбатый; согнутый; искривленный', *gǔra* 'горб'; рус. диал. *gǔриться* 'виниться' (СРНГ 7, 238), т. е. сгибаться (клясться), признавая свою вину. Другие примеры (обычно — обозначения движения), хотя и не входят в ядро, перекликаются с отмеченными балтийскими фактами; ср. болг. *gǔрам* 'идти; уходить'; макед. диал. *гуркам* 'таскаться, шляться', словен. диал. *gurati* 'медленно ходить' (при *gǔrati* 'изнашивать; зазубривать; затуплять; мучить'); чеш. *hourati* 'качать'. Третья группа примеров отстоит от ядра еще дальше, и далеко не всегда ясны пути развития значения (болг. диал. *gǔрам* 'купать' [о младенце], *gǔрам се* 'купать; окунаться' и др.). Интересно, что и у слов, восходящих к корню с нулевой ступенью вокализма, обнаруживаются значения, уже отмечавшиеся в связи с балтийскими примерами: помимо разных вариаций мотива согнутости, изгиба (ср. словен. *gir*, *girin* 'сук', *girjav* 'сучковатый', польск. диал. *gira* 'большая негнибающаяся нога', словац. *hýra* 'шишка' и др.), ср. в связи с балтийским обозначением волос, косм, чуприны и т. п. такие примеры, как укр. *gǔpa* 'чуб; чуприна' (при *gǔpja* 'низко остриженный', *гирявий* 'человек с плохими волосами на голове', рус. диал. *гирявий* 'стриженный; безволосый' и т. п. *gǔpja* (курск.), то же), а в связи с лтш. *gairis* 'лентяй' — рус. диал. *огурь* 'лень' и т. п.; ср. также продолжения праслав. **gvor-*³⁹. Особый интерес представляют переклички балтийских и славянских слов в обозначении неясной речи (ср. **gvariti*: польск. *gwarzyć* 'болтать; невнятно бормотать' и др. при **gvarati*: болг. *гварам* 'шлепать по грязи', с.-хорв. *гварати*, ср. *guriti*, *-ati* и т. п., — в связи с приведенными выше балтийскими фактами).

Из параллелей в других и.-е. языках ср. норв. *kaure* 'завитый локон волос, шерсти', *kaur* 'завитая шерсть', др.-исл. *karr* 'завитый локон' (ср. подробнее — Pokoḡny 1, 398); ср.-ирл. *gǔaire* 'волосы' (из первоначального — 'завитые волосы'); др.-греч. γῦρός 'круглый; изогнутый', γῦρος 'круг, окружность', γῦρόω 'искривлять'; арм. *kuṛn* 'спина'.

Все эти примеры позволяют сделать вывод о смысловом единстве исходной и.-е. формы **geu-r-* / **gou-r-* / **gūr-*. Несомненно, она обозначала нечто отклоняющееся от нормы, конкретнее — от нейтрально-ровного. Это отклонение можно определить как изогнутость, реализующуюся в двух вариантах — выпуклость (вверх, наружу) и вогнутость (вниз и внутрь). Эти два значения порознь или в сочетании друг с другом могут объяснить применение анализируемого комплекса к обозначению разных видов неровного ландшафта (выпуклого — в балтийском [гора, холм], вогнутого — в карпатско-балканских языках [пещера, яма, горная долина, ущелье, и т. п.]) или кудрявых волос, шерсти (балтийские, славянские, германские факты)⁴⁰. Во всяком случае языковые данные неоднократно подтверждают объединение двух смыслов — изогнутости топографических объектов и кудрявых волос. Ср., напр., прус., ятв. *garbis* 'гора' при лит. *gaṛbus* 'человек с кудрявыми волосами' или *кјчери* 'кудри', *кучерявий*, чеш. *kičera* 'локон', словац. *kičera* (из **kuk-er-* < **kouk-er-*, ср. рус. *кјка* 'крюк', лтш. *kaika* 'чуб') при лит. *kaikaras* 'холм; бугор; вершина горы',

лтиш. *kukurs* и т. п. По, как и в первом случае (см. о **kčl-*), судьба **gaur-* (< **gou-r*/**geu-r*/**gū-r-*) развела карпато-балканский ареал с более северным балто-славянским. Противоположные идеи нашли здесь общее выражение: предельная вогнутость (пещера, яма, полость) — балкан. *gaur-*; предельная выпуклость (пузырь, сфера) — слав. **gvorъ* (др.-рус., ц.-слав. *гворъ* 'дождевой пузырь', рус. диал. *гвор* 'пузырь на воде' и т. п.).

3. Др.-инд. *liṅga-* в индоевропейском контексте

Это слово, обозначающее знак, признак, примету, характеристику, эмблему, а также *membrum virile* (знак пола), остается до сих пор не объясненным удовлетворительно («Nicht überzeugend erklärt», согласно Mayrhofer 19, 104)⁴¹. Это обстоятельство в сочетании с некоторыми другими (*liṅga-* не отмечено в древнейших текстах, в частности, его нет в Ригведе; слово связано с ритуальными объектами — образами детородного члена в виде заостренного камня или колонны, часто выходящего из *yoni-* 'vagina' (таких каменных *liṅga-* в Индии насчитывалось до 30 миллионов), а фаллический культ обычно связывали с автохтонным неиндоевропейским населением Индии⁴², в частности, в восточных и южных ее частях, которые подвергались арианизации существенно позже и в ряде случаев более поверхностно; наконец, непонятна семантическая мотивировка (внутренней формы) самого слова, его изолированное положение при том, что слово *liṅga-* принадлежит не просто к числу важных понятий, но и к сакрализованной ритуальной терминологии, и т. п.) заставило некоторых ученых искать объяснение этому слову в лексике автохтонных австронезийских языков⁴³, но и здесь убедительных решений не было найдено. Последнее слово в этой области скорее ориентирует на поиск ответа в индоевропейских данных: «Arischer — und indogermanischer — Ursprung des Wortes für «Merkmal» . . . ist prinzipiell glaubhaft» (Mayrhofer 19, 104). Однако путь к решению не указывается тем более, что принадлежность к этому кругу глагола *ā-liṅg-* ставится под вопрос («Fraglich»).

И все-таки именно глагол *liṅg-* оказывается наиболее надежным проводником в этом этимологическом лабиринте, в центре которого скрыта загадка др.-инд. *liṅga-*. Сам глагол *liṅg-* принадлежит к числу довольно редких и плохо исследованных. Поэтому уместно обозначить бесспорное. Глагольная основа *liṅg-* в бесприставочном употреблении появляется в Praes. *liṅgati* (1-й класс) и *liṅgayati* (10-й класс). Первая форма, отмеченная только в «Dhātupāṭha» (V, 48), обозначает 'идти' (можно предполагать, что речь идет о какой-то нестандартной, специфической манере походки)⁴⁴. Вторая форма, засвидетельствованная там же (XXXIII, 65), обозначает 'расписывать красками; раскрашивать' (видимо, разными красками), но у Вopaдевы, схолиастов и комментаторов также — 'изменять (снабжать флексией) имя существительное в соответствии с его родом (грамматическим)'. Несмотря на то, что эти разные значения закреплены за разными классами презентных основ, едва ли можно сомневаться

в лексико-семантическом единстве *liṅg-*, существенной чертой которого с избранной здесь точки зрения следует считать мотив отклонения от нормы (от нейтрального состояния), внесения разноразия (пестроты). Элемент *liṅg-* встречается и в сочетании с приставкой *ā-* в ряде текстов эпического и классического санскрита. Глагол *ā-liṅg-* (*ā-liṅgate*, med.) обозначает 'сжимать; соединять; (сводить) члены; обнимать; охватывать' (Махабхарата, Катха-саритсагара, Панчатантра и др.) или, напротив, 'распространять; растягивать' и т. п. (VarBṛSamh.); ср. также *āliṅga-*, род. барабана; *āliṅgana-* 'объятие', *āliṅgita-*, *āliṅgin-*, *āliṅgya-* но и *liṅgana-* 'объятие', *liṅgya* и т. п.⁴⁵ Бросается в глаза идея разнонаправленности — *ā-liṅg-* — сближение, соединение, сужение и удаление, разъединение, расширение. На этом основании можно думать о реализации в этом глаголе исходной семантической конструкции, которая могла обозначать движение в разных направлениях (туда и сюда, вперед и назад, внутрь и вовне, к и от), с отклонением от стандартного регулярного движения (по прямой), признаваемого за нейтральное, что-нибудь вроде 'качаться; раскачиваться; махаться' и т. п. Сходную семантику обнаруживает и фонетически близкий глагол *raṅg* (*rāṅgati*), описывающий разнонаправленное (туда и сюда) движение и возводимый иногда к и.-е. **leng-* (Pokorny I, 676) с надежными продолжениями в балтийском, славянском и албанском. Однако это слово в данном случае лучше оставить в стороне: во-первых, оно принадлежит к числу редких и поздних лексем, которые, по мнению некоторых специалистов, не имеют ничего общего с и.-е. **leng-* (Mayrhofer 18, 33); во-вторых, остается неясным отношение этого *raṅg-* с *raṅga-* 'олово' (ср. пракр. *raṅga-*, хинди *rāṅg/ā/*, непали *rāṅ* и др.) и с *raṅga-* 'цвет; краска; театр; сцена' (ср. н.-перс. *rang* 'цвет').

Впрочем, и без этих слов др.-инд. *liṅg-* с указанным спектром значений дает основание для указания достоверных индоевропейских параллелей и, главное, последние помогают определить семантическую мотивировку др.-инд. *liṅga-* и как слова для знака и как слова для *membrum virile*. Балтийские и славянские данные оказываются в этом отношении особенно ценными. Ввиду их многочисленности и многообразия придется ограничиться лишь частичными указаниями. Отмеченные выше значения др.-инд. *liṅg* (глагол прежде всего), как и реконструируемые на их основе исходные смыслы, связанные с обозначением нестандартного движения, находят точные (но более полные) параллели в этих примерах, как лит. *lingūoti* 'качать; качаться; колыхаться; шататься; сгибать(ся); кланяться; склоняться; с трудом идти' («lėtai, sunkiai, svyruojant eiti, važiuoti», ср.: *Jurgis jau lingavo keliu ant Snaudžių; Barškėjo dvi arklį traukiamos grėbiomsgios, į vieškelį lin gavo prikrauti vežimai; Lingūojas, lingūojas ant vietos, nė eiti dorai nemok.* LKŽ VII, 529—530), 'работать согнувшись', *liṅginti* 'идти качаясь, сгибаясь', *lingėti, lingėnti, linginėti, lingti, lingurti; lingačiuoti, lingečiuoti, lingučiuoti, lingesčiuoti* (ср. также *lėngti, leṅgti* 'слабеть; никнуть; долго болеть', *lėngėti* и под.)⁴⁶; лтш. *lingūt(ies), ligāt* 'качаться; колыхаться; колебаться; шататься;

идти покачиваясь; медленно работать; петь песни («лиго») и др. (Müllerbachs — Endzelins II, 484; ср. *ļēngāt* 'шататься' и др.; *ļudzīt, ļuogāt* 'zum Wanken bringen', -tiēs); рус. *лягáть, лягáться* 'качать из стороны в сторону; махать; развеваться; двигать(ся) взад и вперед; сучить (ногами); биться в судорогах, конвульсиях; качаться; колыхаться; трепыхаться; пошатываться на ходу из стороны в сторону; болтаться; свободно свисать' и т. п. (СРНГ 17, 254—255, ср. *лягáндать* 'трястись', *лэгáндать, лэгáндить, лэгáйдать*. СРНГ 17, 309, 310) и др.

Эти примеры, перекликающиеся с др.-инд. *liṅg-*, в отличие от последнего менее изолированы и входят в более крупные совокупности семантически и формально связанных лексем, где обнаруживаются и такие значения, которые не представлены др.-инд. *liṅg-*. Таковы, например, обозначения неустойчивой, колышущейся, тряской почвы (обычно болотистой или заполненной водой впадины, низины, выемки). Ср. лит. *lingynas* 'klampī vieta, pelkē' (*Velnīui ir... lingynai vieškeliais nusēti*. LKŽ VII, 527), *lėngė* 'дол; впадина; низина; углубление' и т. п. (ср. *lėnkė* то же), — при *Ling-*, *Lang-* в обозначениях низко расположенных (в частности водных) объектов, ландшафта (лит. *Lāngas, Lāngabalė, Lāngiaraitis, Langinė*, лтш. *Lānga, Langa-purvs*, прус. *Langene, Langodis* и др. при: лит. *Lingis, Līnga, Lingaraitis; Liṅgė, Lingumà* и др.⁴⁷), ср. также лит. *lankà* 'луг' и т. п. Еще многочисленнее соответствующие славянские примеры, среди которых особенно показательны рус. диал. *ляга* 'болотистое топкое место; болото; сырое место' («скопление воды в низком месте и само топкое место»); болотистая лужайка; поляна; лощина; впадина (обычно заполненная водой); яма, выбоина; рытвина (на дороге); лужа, грязь, слякоть; глубокое место в реке; омут, небольшой водоем, озеро; сухое место среди болота; неудобная земля; дырка, лунка; трава (болотная?), похожая на осоку', ср. *лягáтлина, ляготь, лягова, ляговина, лягырь(?)* и т. п. (СРНГ 17, 253—255)⁴⁸.

Но, конечно, более интересны не те примеры, которые находятся на периферии по отношению к др.-инд. *liṅg-*, особенно *liṅga-* и, так сказать, «экстенсивно» реализуют возможности, заложенные в словах этого корня. Несравненно существеннее те балтийские и славянские параллели (будь то отдельное слово или целые — пусть небольшие — контексты), которые фиксируют хотя бы частичное сходство с др.-инд. *liṅga-* как раз в сфере выражения смыслов, связанных с знаково-стью. Среди различных типов семантической мотивировки слов, передающих идею знака (ср. лат. *signum* 'знак' как насечка (*secō, segmen* и т. п.), вырезанная на предмете отметка, придающая ему знаковый характер; или слав. **znakъ* — в связи с и.-е. **g'en-* 'рождаться; быть в родстве' и 'знак' (ср. также использование этого корня для обозначения частей тела — колено (ср. *поколение*), подбородок и т. п.⁴⁹); или др.-греч. *σῆμα* как нечто воспринимаемое зрением, видимое), если *σῆμα* связано с др.-инд. *didhiti-* 'блеск, сверкание' и т. п.⁵⁰ к *dhyā-*), видное место занимает такой способ обозначения, при котором знаком считается то, что подвешено (привязано или жестко укреплено) на высоком вертикальном предмете и обычно развевается, раскачивается, трепещет (ср. знамя, флаг, если говорить

о наиболее известных и доживших до наших дней знаках этого типа) или приводится движение путем размахивания. Будучи отмеченным как верхняя точка вертикали и находясь в движении, такой материальный субстрат знака оказывается особенно броским и легким для восприятия с помощью зрения (заметьным). Поэтому конструкция этого рода более или менее повсюду используется для сигнализации. Такие примеры (см. СРНГ 17, 254), как рус. диал. *флаг лягается* (т. е. развеивается по ветру) или *Три раза фонарем лягнул: парус снимать* (где *лягать* значит «качнуть что-либо, махнуть, сигналиа, предупреждая о чем-либо»), или, наконец, просто *лягнуть рукой* (т. е. махнуть ею, подавая сигнал) и т. п., свидетельствуют со всей бесспорностью употребительность корня *ляг-* (слав. **lęg-* < и.-е. **leng-*/**ling-*) при обозначении знака, сигнала⁵¹, во-первых, раскрывают семантическую подоплеку такого обозначения (разнонаправленное движение объекта-знака), во-вторых, и доставляют точную параллель к др.-инд. соотношению *linga* 'знак': *liṅg-* (как обозначение разнонаправленного значения), в-третьих⁵². Если русские примеры бросают свет на то, каким образом такое действие трактуется как знаково обусловленное, то литовские факты относятся прежде всего к обозначению того объекта (длинный вертикальный предмет, служащий для подвешивания, нежесткого прикрепления к его верхней части чего-то раскачивающегося), который в других традициях может выступать как сам знак или его носитель («держатель»). Так, в связи с др.-инд. *liṅga-* заслуживают особого внимания лит. *liṅgė* 'жердь или шест для подвешивания колыбели' (ср. *Reikia pritaisyti liṅgė, kad būt kur lopšys pakabinti*), но и 'рессора'⁵³, *liṅgynė* то же (*Liṅgynė yra kartis, ant kurios pakabintas lopšys kūdikio linguojas*), но и 'колыбель, люлька, качели' (ср.: *Reiks vėlai gulti reiks ankstie kelti... liṅgynelę linguoti; Daug gražių mergelių liṅgynėj linguojasi*), *liṅgtis* и др. (см. LKZ VII, 525, 527—528). Легко заметить, что обозначение шеста, жерди с помощью элемента *liṅg-* отсылает и к стандартной метафоре *membrum virile*, обозначаемого через соотнесение с указанными объектами или с соответствующими движениями (раскачивание, размахивание (ср. *махаться* в любовном словаре XVIII в., разумеется, с иной мотивировкой), приведение в вертикальное положение и т. п.)⁵⁴. Следовательно, и др.-инд. *liṅga-* 'membrum virile' могло предполагать сходную мотивировку и не сводиться с непремностью к его производству от первичного *liṅga-* 'знак'. И уж во всяком случае др.-инд. *liṅga-* как мужской признак (знак мужчины, пола) получает благодаря проанализированным балтийским и славянским фактам не только надежные параллели, но обретает более или менее очевидный индоевропейский контекст — как языковой (он может быть более или менее существенно расширен хотя бы за счет таких потенциальных соответствий, как тох. AB *länk-* 'pendere' (< и.-е. **leng-*), др.-греч. λαγλάω 'ослабевать', может быть, хет. *liṅāi-*, *liṅan-* 'клятва', *liṅanu-*, *liṅk-* 'клясться'⁵⁵, алб. *lëngor* 'гибкий', ср. также *lëngoj* 'чахнуть, изнемогать; болеть', *lëngatë* 'болезнь; недуг' (ср. выше др.-греч. обозначение слабости) и т. п., не говоря уже о формах без *n*, выступав-

пего некогда как инфикс), так и ритуальный и специально знаково-культурный (ср. такую отмеченную категорию знаков *par excellence*, как мировое дерево (с функцией связи между космическими зонами, ср. лат. *ligare*: и.-е. **li-n-g-*) и разные его трансформации и снижения, нередко кодируемые элементом **ling*/**leng-* и под., — столб, шест, древко, жердь, знамя в различных его исторически засвидетельствованных формах (хоругвь⁵⁶, бунчук с развевающимся конским хвостом, флаг, разные знаки римских легионов, вымпел и т. п.) и др. вплоть до *membrum virile*, знака мужчины и рода).

- ¹ См.: *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, 281; *Он же.* Ранние славянские этнонимы. 1. Славяне и Карпаты. — Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, 56; *Он же.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ 1974, № 6, 52.
- ² Ср. чеш. *Ještěd*, название горы в Северной Чехии, трактуемое (см. названные работы) как **ask-kēt-* 'ясеневый лес'. Иначе трактуется чеш. *Ještětice*, название деревни около Rychnov'a (ср.: *Jan z Rzymocz. . . z Jesstietyz*, 1422 и т. п.), см.: *Profous A.* Místní jména v Čechách. Díl II, Praha, 1949, 136 (из Nom. гр. *Ješek* (от *Jech < Jan* с помощью *-eta >* -'ata).
- ³ Ср. ветхозаветный Китим (Числа 24, 24; Исайя 23, 12).
- ⁴ К толкованию названия жителей Дервы как 'Waldleute' ср.: *Mayer A.* Die Sprache der alten Ilirier. Bd. 1. Wien, 1957, 44.
- ⁵ См.: *Gerullis G.* Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin—Leipzig, 1922, 61 (автор предпочитает сравнивать эти примеры с такими Nom. гр., как прус. *Keite*).
- ⁶ См.: *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925, 44.
- ⁷ См.: Lietuvos administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. II dalis. Vilnius, 1976, 132.
- ⁸ См.: Lietuvos upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963, 73.
- ⁹ См.: *Endzelīns J.* Latvijas vietvārdi. I daļa. 2. sējums. K.—O. Rīgā, 1961, 211.
- ¹⁰ См.: *Būga K.* Rinkiniai raštai, III. Vilnius, 1961, 61; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 212 и др. — Ср. др.-греч. гидроним *Κέτος* (в Эолии) (?).
- ¹¹ К ранее приводившимся балкано-карпатским и средиземноморским соответствиям, охватывающим не только отдельные факты, но и некие топонимические микроконтексты, можно добавить карп.-балк. **Karpat* (Καρπάτης ὄρος и т. п.) & **kēt-* (**biz-kēt-/kit-*, Κέτιος ὄρος и т. п.) — среди земноморск. (кипр.) *Καρπασία*, местечко на сев.-вост. оконечности Кипра (ср. также *Κάρπαδος*, о-в между Критом и Родосом, *mare Carpathium* как обозначение Эгейского моря и т. п.) & *Κίτιος*, *Citium* (**kēt-/kit-*), на юге Кипра. Эта же пара **Karp-* & **Ket-* известна и в балтийском ареале.
- ¹² Ср.: *Balnas arkli suspaud ant keteros; Arklys nusigrandė sau keterą; Drožiau vilkui į keterą; Kai šuo lenda, tai katė tik kėterą pastato ir prunkštia; Sunes jo užpakaly keteras pasiaušė; Prieš viens kitą keteras stato kaip katinai; Žiūri — viens ant kito keteras pastatę* и т. п. — LKŽ V, 648.
- ¹³ Ср. особенно (в отнесении к горному ландшафту): *Nušvitusiam danguje aiškiai ryškėjo trys keteros* (три вершины); *Aušra juokėsi kalny keterose* (на горных вершинах); *Jie atšliaužė į kalvos keterą* (на вершину холма); *Iš pietų — kreidinė kalno ketera* (горная вершина); *Iš už kalny keteros* (из-за горной вершины) *pūtė vėsus vėjas; Kalnų keteros* (вершины), *debesis rėmė* и т. п. См. LKŽ V, 648; XII, 847—849 (ср.: 'верхушка крыши; конек; вершина горы'; *Sėk nesėk — sketerōj niekas neuaga; Vėjas šniokšdamas per parko viršūnes skertejo į ūkanotas kalny sketeras* и др.).
- ¹⁴ Ср: *Visas jo dirbtojo darbo kėtis toks platus, jog nė negalima, kad kalbos dalykus būtų aplenkęs* (LKŽ V, 651).

- ¹⁵ Прежде всего привлекают внимание метафорические образы с участием этого глагола в связи с «древесной» тематикой, ср.: *Auk, obelėle, aukščiau dvaro, kalėda, kėskie šakelės, plačiau dvaro, kalėda; Medis nuo šalčio kėčias ir sprogsia; Jis. . . kėtė rankas kaip medis* (ср. также: *Kėčias, kėčias pinavijos rūtelių darželiuos; Pumpurai kėtėsi, žydėjo* и т. п., LKŽ V, 644); *Medis, žiedas, lapas skėčias; Ažuolo šakos skėtės* и др. (LKŽ XII, 846).
- ¹⁶ Характерно в семантическом плане само соотношение двух формантов — литовского (-*era*) и русского (-*ина*).
- ¹⁷ См. ЭССЯ 4, 93, 99; Słownik prasłowiański 2, 179, 188 (с отсылкой к *šćetina, *šćelъ).
- ¹⁸ Значения, восстанавливаемые для корня *kēt- и реализующиеся в таких клипированных образах, как шестинижные верхушки деревьев или островерхих гребней в горах (эти образы часто используются для описания карпатского ландшафта в географической, природоведческой, краеведческой литературе), актуализируются с особой силой в архетипическом образе Карпат в «Страшной мести» Гоголя. По сути дела, «ш е т и н я т с я» г о р ы («. . . идут рядами высоковерхие горы. Гора за горою, будто каменными щелями, перекидывают они вправо и влево землю и обковывают ее каменной толщей. . . Идут каменные щели. . . и громадою стали в виде подковы между галичским и венгерским народом. Нет таких гор в нашей стороне. Глаз не смеет оглянуть их. . . Чуден и вид их: не задрное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны и они, окаменев, остановились недвижно в воздухе? Не оборвались ли с неба тяжелые тучи и загромодили собой землю? . . . а белая верхушка блестит и искрится при солнце. . . Горы этой нет выше между Карпатом, как царь поднимается она над другими. . .»), «ш е т и н я т с я» д е р е в ь я в л е с у («Ему чудилось, что все со всех сторон бежало литьем его: деревья, обступивши темным лесом, и как будто живые, кивая черными бородами и вытягивая длинные ветви, силились задуть его. . .»), «ш е т и н я т с я» м е р т в е ц ы («Ворочал он по сторонам мертвыми глазами и увидел поднявшихся мертвецов от Киева, и от земли Галичской, и от Карпата. . . И все мертвецы вскочили в пропасть, подхватили мертвеца и вонзили в него свои зубы. Еще один всех выше, всех страшнее, хотел подняться из земли; но не мог, не в силах был этого сделать, так велик вырос он в земле; а если бы поднялся, то опрокинул бы и Карпат. . .»). Но через образ ш е т и н ы (*sket- : *ket-) описывается и козлуд, отец Катерины, нашедший на Карпате свою гибель — «Но отчего вдруг стал он недвижим. . . и отчего волосы ш е т и н о ю поднялись на его голове? . . . Все пропало. — К мотиву «щетиных», «растопыряющихся» ветвей (см. выше у Гоголя) примеры уже были приведены. В литовском эти же атрибуты очень характерны и для рук, ср.: *rankas praskėsti, išskėsti (išskėstomis raňkomis* и т. п. (LKŽ XII, 847—848); совств. — «ощетинивать руки».
- ¹⁹ Интересно, что «карпатская» форма этого корня с исходом на звонкий смычный (*kēd-), предполагаемая названиями тила польск. *Bieskidy, Bieszcady* и т. п. или чеш. *Ještěd*, согласуется с отмеченной в балтийском синонимичной (по отношению к *kēl-) разновидностью *kēd-, ср. лит. *kėdoli (Kalbėdamas jis kėdėja raňkomis* и т. п.): *kėtėti*; ср. Fraenkel, 246 (где указана форма *kėdėti*).
- ²⁰ Ср. также название кипрского города Κίτιον, славившегося своими соляными копиями (ср. рус. *копь* 'яма' — *копеч* 'холм; насыпь' и т. п.). Очень похоже, что Κίτιον (< *Kēt-) связано с тем кругом слов, к которому принадлежит не объясненное до сих пор др.-греч. *κῆτις*, значение которого предположительно восстанавливается как 'изрытый ущельями; изобилующий пропастями' и т. п. (см. также ниже).
- ²¹ Точнее было бы, отказавшись от фиксации исходного состояния, прибегнуть к установлению двух разных типов отношения между 'данном элементом (лексемой) и двумя разными — для севера и для юга — денотатами.
- ²² В другом месте был поставлен вопрос о возможности связи индоевропейского обозначения числа 4 (*k^uet^uor-/uer-/ur-) с идеей развертывания, разворачивания и т. п., выражаемой, в частности, балт. *kēt-. Это предположение согласо-

- ывалось бы с обозначением объектов ландшафта с горизонтальным измерением.
- ²³ Использование корня *ket-/ *sket- в качестве Nom. pr. (см. выше прусские примеры) находит свои аналогии в примерах с эксплицированной семантикой, ср. *Щетина, Щетинин, Щетка* и т. п.; см. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974, 377.
- ²⁴ См. *D'Arcy W. Thompson.* A Glossary of Greek Fishes. London, 1947, s. v.
- ²⁵ Элемент κητ- входит в состав Nom. pr.; ср. имя титаниды Κητώ, дочери Понта и Γει, сестры и жены Форкиса, матери Граий, Горгоны, Эхидны; имя чудовища, посланного Посейдоном для наказания Андромеды, Κήτος (*Cētus*).
- ²⁶ См. *Fontenrose J. Python.* A Study of Delphic Myth and Its Origins. Berkeley—Los Angeles, 1959 (иллюстрации).
- ²⁷ Теоретически можно было бы думать о выборе корня *kēt- в связи с названием кита как актуализации мотива его исключительных размеров (размах, расширение), но реальные аргументы в пользу этого предположения остаются неизвестными.
- ²⁸ См. *Zulys V.* Keleto retų žodžių istorija. — *Baltistica* 1, 1966, 152—153.
- ²⁹ Ср. старорусскую «Повесть о Ерше, Щетинникове сыне», в которой мотив «щетинистого» ерша (ср. колючки на жаберных крышках) опирается на соответствующую фольклорную традицию (само слово *ерш* обозначает не только рыбу, но и зазубренный гвоздь, заостренный зубец остроги, торчащие (стоящие) волосы, ежа и т. п., см. СРНГ 9, 36). Ср., между прочим: Долго ерш еще кричал | . . . А проказника дельфины Все ташлаи за щетинны. . . «Конек-горбунок»; не менее выразительно описывается здесь же и кит: Поперек его лежит Чудо-юдо рыба-кит. Все бока его изрыты, Часток олы в ребра вбиты. . .
- ³⁰ Исходным элементом могли бы быть, например, *eš- (*erš-) и *kēt-/ *skēt-. Ср. показательный контекст — лит. *pirštus susibadžiau į ešerio keturą* «я уколол себе палец об колючки (гребень, плавник) окуни» (LKŽ V, 648), где как раз оба элемента *eš* и *ket-* соседствуют.
- ³¹ Сугубо гипотетически (учитывая образования типа *ket-er/ar-) можно поставить вопрос об обращении в этом контексте к таким неясным словам, вероятно, догреческого происхождения, как Κηταίων (лесистая гора на границе Аттики и Беотии) или κηβάρα 'кифара' и связанное с ним κηβαρος 'грудь; грудная клетка', но и 'плоская рыба типа камбалы' (метафорическое обозначение рыбы по музыкальному инструменту само по себе может свидетельствовать — с известным вероятием — о некогда имевшем место обратном процессе; ср. «распяленность», «растопыренность» кифары, обеспечивающая натяжение струн, или ряд колышков-выступов (κίλλαφοί) на перекладине (συρόν) и т. п.
- ³² Весьма полное собрание примеров и их анализ см.: *Rădulescu M.-M.* Romanian Words of Dacian Origin. 1. Romanian *găuri* and its family of words. — In: *Studia Indoeuropaea ad Dacoromanos pertinentia*. 1. Studii de tracologie. București, 1976, 105—117; ср. *Idem.* Daco-Romanian-Baltic common lexical elements. — *Ponto-Baltica* 1, 1981, 39—41.
- ³³ Название леса около хеттского города Тауриса GİŞTIR *gauriya-* производят от хатт. *ur(a/i)* 'источник' и *ka-* 'на' (?) (вода этого лесного источника использовалась в обрядах бога Грозы Нерика). См.: *Haas V.* Der Kult von Nerik. Roma, 1970, 130—133; *Арджинба В. Г.* Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982, 15, 165. Ср. хатт. *gauriantiu* 'стоит над источником' (Friedrich, 317).
- ³⁴ В отношении определения и.е. источника этих балтийских слов Радулеску расходится с Френкелем: если последний (Fraenkel, 150, 179) возводит эти слова к и.е. *geu-/ *gou- 'выпуклый' или 'вогнутый; быть искривленным', то Радулеску склонен связывать их с и.е. *ghēu- 'зять' (Pokorny, 449: др.-греч. χάος и под.).
- ³⁵ Интересно, что есть мнение, согласно которому лит. *gauris* могло обозначать и болото. См.: *Tarvydas S.* Lietuvos vietovardžiai. Vilnius, 1958, 42.
- ³⁶ Lietuvos. . . žinydas, II, 79; Lietuvos upių ir ežerų vardynas, 43; *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981, 109 (предполагается связь с лит. *gauris, gaurys, gaurė*).
- ³⁷ См. *Endzelins J.* Latvijas vietvārdi I, 1, 304.

- ³⁸ Kiparsky V. Die Kurenfrage. Helsinki, 1939, 100—101.
- ³⁹ Подробнее о славянском материале см.: Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские лексические связи. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 92—94; Она же. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -у-. — В кн.: Этимология 1971. М., 1973, 66—67; Skok I, 634; Bezlaj I, 187; ЭССЯ 7, 177—178, 184 и др.
- ⁴⁰ Связь идеи изогнутости-искривленности с обозначением волос подтверждается многими примерами типа алб. *krip* 'волосы' при лит. *krūpti* (*kreipti*) 'искривлять'.
- ⁴¹ Майрхофер указывает основные попытки индоевропейской этимологии этого слова: «к иран. **ringa-*, реконструируемому на основании авестийского названия созвездия *haptō-iringa-* (совсем иначе — *Szemerényi*. — Innsbr. Tagg. 191, ср. *Filliozat*. — JA 250, 326); к гот. *leik-* 'тело', *ga-leiks* 'подобный', лит. *lygus* и т. п. (WP II, 398—399); к др.-исп. *lim(r)* 'ветвь; член', лит. *liemuš* 'туловище; ствол; основа' и т. п. (*Petersson*. Balt. u. Slav. 23); из др.-инд. *ny-āṅga-* 'знак' с диссимилацией *n > l* (ср. *laṅgar-*; *Burrow*. Saṅgṛa.—Bharati 9: к *añj-*) — с кратким резюме, относящимся ко всем этим предложениям: «Die vorgeschlagenen idg. Anschlüsse an *liṅga* . . . überzeugen jedoch nicht» (*Mayrhofer* 19, 101).
- ⁴² Ср. двенадцать основных «линг» Шивы, пользующихся в Индии особым почитанием.
- ⁴³ См.: *Mayrhofer* 19, 101; «Przyluski, BSL 24, 118—120; Pre-Aryan 8 и сл.; Sur, ABORI 13, 151—152; ср. также Kuiper AO 16, 307 и др.».
- ⁴⁴ Этот вывод, между прочим, подтверждается такими словами, как *liṅgika-*, *liṅgita-*, обозначающими хромоту, *laṅga-* 'хромота; хромота', *atī-laṅg-* 'хромать', *laṅgin* (хинди *lāgar*, *laṅgrā* 'хромотой', ср. также *laṅg-*, *laṅkh-gatau*) (Dhātupāṭha). Соотношение *liṅg-*: *laṅg-* очень важно с точки зрения индоевропейской морфологической модели (*e : o : ∅*). Следовательно, уже на этом этапе появляется серьезный аргумент в пользу приваделжности терминов *liṅg-* (: *laṅg-*) к индоевропейскому слою.
- ⁴⁵ О *liṅg-*, *laṅg-* см.: *Mayrhofer* I, 80; 19, 86 (с литературой вопроса); *Turner R. L. Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. London, 1966, 629a, 641a и др.
- ⁴⁶ Ср. с другим вокализмом: *lunguoti* 'качать(ся)' и т. п., *lūnginti* 'махать' (*Suva uodega lūnginti* a. VII, 687), *lungentis*, *lūngytis*, *lūngteleiti*, *lūngčioti*, *lūngstelēti*, *luṅgurti* и т. п. (LKŽ VII, 687).
- ⁴⁷ См.: *Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius, 1981, 180, 192. Существенно, что примеры этого рода делают бесспорным включение в этот же круг лит. *lāngas* 'окно', но и 'дыра; отверстие; впадина; лунка; окно' (очко в болоте) и подтверждают связь *lāngas*, лтш. *luḡgs*, прус. *lanxto* 'окно' с слав. **logъ*, **legъ* (ср. рус. *луг*, польск. *łag*, *łęg*, чеш. *luh* и т. п. топографические обозначения).
- ⁴⁸ В этом семантическом круге получает свою мотивировку и название лягушки (ср. рус. диал. *лыга* и т. п.) и, видимо, некоторые другие слова с корнем *ляг-*, но сильно отклоняющимися значениями.
- ⁴⁹ См.: *Трубачев О. Н. История славянских терминов родства*. М., 1959, 154 и сл.
- ⁵⁰ Видимо, сюда же относится и другое название знака — др.-инд. *lakṣa*, *lakṣ-man-* (к *lakṣ-* 'замечать').
- ⁵¹ Ср., впрочем, сходные предпосылки в литовском, напр.: *Moteris tik liṅga-ėiū o ja gálva, žiūredama an ažumūštą vaiką* (LKŽ VII, 525) и под.
- ⁵² Можно пойти еще дальше, подчеркнув, что благодаря именно этим русским примерам соотнесение др.-инд. *liṅga-* и *liṅg-* приобретает особую доказательную силу.
- ⁵³ Лит. *liūgė* 'лунь', остающееся не объясненным, конечно, связано с анализируемой группой слов, хотя мотивируется это название птицы иначе — через особую белесоватость, тусклый блеск, характерный для *Falco rusticolus* (ср. *сед*, как *лунь*). Мерцающий блеск оперения луны как бы реализует мотив цветového (светового) колыхания, колебания и, переливания (разнонаправленность зрительного эффекта). Уяснению семантических отношений в этом случае особенно помогают русские данные; ср. *лунь*, птица : *лунь* ж. р.

- 'тусклый свет; блеск; белизна' (ср.: *Он слеп, только л у н ь видит*. Даль II⁴, 707—708): *лунйтъся* 'светить; отсвечивать; тускло светлеться; светать', *лунйтъ* 'светить слабым мутным блеском; хлопать глазами, выказывая бельма' и т. п. Ср. особенно в связи с значением 'membrum virile' рус. диал. *лѣно*, об окопечности детородного члена у жеребцов и меринов (*лѣшка* и т. п.), ср. СРНГ 17, 196. Еще в прошлом веке было подмечено, что лтш. *līgubīt*, особенно в песнях Ивановского цикла (24 июня), употребляется фактически для обозначения «игры цветов и света» в связи с характерной «игрой» солнца в этот день (ср., например, *parādies tu, sa u l i t e, kuru vidu tu l i g u o j i; l i g u o s a u l e launagā, nuo launagā vakarā*. Mülenbachs—Endzelins II, 484; *L'e i g o j bite, L'e i g o j s a u l e . . .* и др.). См.: *Вольтер Э. А.* Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, 1. СПб., 1890, 44 и сл., не говоря уж о ряде более поздних исследований. Мотиву солнечной пляски (*saul- & līg-*) отвечали бы такие употребления глагола *лунйтъся*, как: *С о л н ы ш к о зашло, а в окнах л у н и т с я*, т. е. «отражается слабым светом, тусклым отблеском» (СРНГ 17, 195), и, может быть, название пляски вроде казачка *лунѣк*; ср. выше. др.-инд. *līṅgayati* 'расписывать красками' (= 'испещрять').
- ⁵⁴ Ср., напр., лит. *viřptis* 'тычинка; шест', *vārpa* 'колос', но и 'm e m b r u m v i r i l e', лтш. *vařpa, varpiņa*, прус. *arwarbs* 'оселина; droga' — при таких «коровайных» контекстах, как: *Ой, караваяу, караваяу, які жа ты в ы р а п а а ю; Росты, караваяу, росты, як хмель на тычине; Росці, караваяу, выше столба медзяного* и т. п. и фаллических символах из теста, помещаемых на самом коровае. — К сексуальным ассоциациям рус. *ляг-ср.* характерное словопользование в частушке, возникшей в пореформенное время: *Сорок лет коровы нет, Маслою отрыгается, На дворе один петух С курочкой ляг а е т с я*. См.: *Елеонская Е. Н.* Сборник великорусских частушек. М., 1914, № 834. Бытование этой частушки в наше время в Ленинграде (Удельнинский парк) отмечено в статье: *Шаповалова Г. Г.* Деревенская частушка в городе. — В кн.: *Этнографические исследования Северо-Запада*. Л., 1977, 86.
- ⁵⁵ Ср. слав. **kleřiva* : **kleřti* при **kloniti* (т. е. наклониться, сгибаться и т. п. как действия, выражающие, в частности, обряд принесения клятвы).
- ⁵⁶ Ср. монг. *ogungo, ogunga* 'знак; знамя'.

О. Н. Трубочев

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ЭТИМОЛОГИИ

Θαμρασάδας — 'Οκταμρασάδης

С этими личными собственными именами, выступающими в «Скифском рассказе» Геродота, связано немало проблем. Первое из них — имя бога, эквивалентного греческому богу морей Посейдону: *ὀνομάζονται δὲ Σκυριστί... Ποσειδάων δὲ Θαμρασάδας* (вар. *Θαγμρασάδας*) (Herod. IV, 59). Перед этим там же Геродот говорит, что Посейдону приносят жертвы царские скифы, что, откровенно говоря, затрудняет нижеследующие соображения, однако не настолько, чтобы полностью перевесить сообщаемые нами далее наблюдения над конкретными моментами формы этого и парного с ним другого имени — 'Οκταμρασάδης. Лицо, носившее это второе имя (Herod. IV, 80), не было богом и относилось не к скифам царским, а к другой, западной части Скифии, граничившей с Фракией (по Нижнему Дунаю), а также с землей агафирсов на западе. Отец Октамасада, местный скифский царь Ариасиф,